

• 75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Память — тяжелая ноша

(Из воспоминаний моей матери Веры Ивановны Дороховой).

Хутор Калинов горел с утра. Еще вчера был слышен из-за Сверчевского леса, а сегодня над голой, березовой рощей, вплотную подходившей к Старому Лещину, пробивалось высокое пламя и стелился дым. Пахло пожаром и кислым газом сгоревшего пороха. Частая ружейная стрельба разрезалась короткими пулеметными очередями и буханьем взрывов. Десятка полтора жителей хутора, притащивших с собой ошалевший скот и узлы с пожитками только и смогли рассказать:

— Бьють страсть как! Скоро усё сгорит! Кто на Ефросимовку побег, хто на Богдановку, а мы к вам.

Снег в октябре 1942-го выпал обильный и сугробы стояли по пояс. Весь день пацаны, спасавшие тонущих в снегу гусей и кур, бегали к бугру скрывавшему Калинов, и смотрели на догорающие останки дворов.

— Усё сгорело... Людей побитых пропасть..., — подтвердили они слова вмиг обездоленных калиновцев.

— Дед Калюкин до роши не добег... Собака возле него сидит, с нами не пошла...

— Ох, Никита Иваныч!!! Муженек мой дорогой-милый!!! — закричала старуха с торчащим из-за пазухи зипуна свертком холста замашки — Говорила ж, не ходи! Это ж он за Дозором вернулся! У-б-и-и-и-и-и!

К вечеру сильно похолодало. Взрывы и стрельба поределели и стихли. Резко пахнувший дым стал подниматься в прояснившееся небо. Уже ночью, по открытому увалу длинной цепочкой через Лещ-Плоту по направлению на Тим уходили наши. Вслед им немцы почему-то не стреляли. Радуюсь, что бой не коснулся Старого Лещина, приняв к себе погорельцев, селяне засыпали, не зная, что будет завтра. А на завтра село наполнилось ревом моторов. Люди, доселе изредка видевшие на своих улицах полторки да колхозный ХТЗ, дивились, как танки и тягачи легко тащили за собой сразу две, а то три огромные машины с пехотой, пушками, кухнями, не замечая сугробов. Часть их останавливалась в центре возле школы, остальные, по следам оставленными нашими отступавшими, шли на восток. Лоснящиеся, густо парившие першероны волокли огромные сани с туго перевязанным грузом.

— Куда такая прорва! Побьют наших мужиков, — говорили бабы.

— Не бойтесь, девки! — успокаивал их дед Андрей Малашин — Немцы культурная нация, зазря не обидють.

Взял в руки ведра, пошел к колодцу, возле которого остановились две упряжки лошадей. Возница-немец внимательно выслушал старика, снял

рукавицу, подышал на пальцы и с размаху хлестнул ему в область густой щетины.

— Выродки какие-то, — сказал, словно извиняясь, потом дед перед бабами.

— А говорил, по-немецки кумекаешь, — смеялась Вера Хомякова.

— Вот и кумекай тут, — злобно буркнул Малашин. — Ну, ничего, не так еще юшкой отхаркиваться будут.

Вера до войны успела прочесть курс в Курском педучилище, где ее приняли в комсомол. На политзанятиях внимательно слушала преподавателей о зверствах фашистов в оккупированной Европе, поэтому поступку немца не удивилась. Оказалось, в его действиях была своя «логика». Возле колодца появилось объявление «Пользоваться колодцем местным жителям строго запрещено! За неисполнение приказа — смертная казнь!». Так что дед еще легко отделался.

Появление в селе немцев и венгров для Веры было к тому времени событием не самым главным. На отца Ивана Петровича и старшего брата Василия уже в августе сорок первого пришли похоронки, а мать, Пелагея Ильинична померла от тифа перед самым приходом немцев. И на руках у Веры, старшей в семье, оказалось пятеро братьев и сестер. И своим уже не детским умом она понимала — завтра лучше не будет... Днем две сотни немцев выстроились на площадке перед школой. Вера почему-то пересчитала их. Молодой офицер что-то проговорил. Через пару минут, разделившись на несколько групп, разошлись по селу становиться на квартиры. Хуторянам разрешили похоронить своих и оставленных красноармейцев. Всех несли в погреб Калюкиных и завалили прахом сгоревшего жилья. К хате Хомяковых подошли двенадцать человек. Привел их Комарек, местный мужичок, не попавший на фронт по сухорукости. В большом, одетом поверх телогрейки кожаном реглане и немецкой пилотке, он, казалось, задыхался от важности.

— Сереж! — пыталась возразить Вера — нас же и так шестеро...

— У вас амбар пустой! — усмехнулся Комарек. — И сарай большой! Скажи спасибо, что вас великая немецкая армия охранять будет! Выноси скорее попоны свои, а то не успеешь! И не Сережа я тебе, а господин полицейский!

Через пятнадцать минут вся птица лежала в общей куче с оторванными головами. Приколотый ловким ударом винтовочного штыка поросенок даже не успел взвизгнуть. Корова выдоена без остатка. И лишь теленок почему-то миновал участи. Вторая ночь, но уже не в родной хате, оставила еще больше вопросов. Тяжелее всего было

накормить малолетних Федю и Машу. Благо, перед уходом в эвакуацию по Лещину проехал председатель колхоза:

— Забирайте хлеб, бабы! Да прячьте поглубже.

Вот и закопали Хомяковы зерно под амбаром. Как знали, что жить здесь придется... Косясь на лысого грязного «дожаря» в зеленой шинели, корова Милка, словно осознавала ответственность своего положения, не отдавала всего молока, хоть он щедро пинал ей под ребра. Тогда плешивый шел к амбару, звал кого-то из девчонок. Корова успокаивалась и отдавала последнее. Подобрешший фриц, отливало немного в кувшин и показывал при этом на теленка. Детей он, наверное, не имел ввиду. Сослуживцы частенько посмеивались над ним, а иногда и награждали хорошей оплеухой. Был он мятый, небритый, с вечно засаленным пузом. Но самым примечательным у него было лицо. Плоская с бочков лысына, длинный, горбатый нос, большие, на половину этой мерзкой рожи глаза. Когда он моргал, казалось, что вся «маска» приходит в движение. Дети боялись его больше всех.

Весной, машины и тягачи превратили улицы в непролазную грязь, а к маю она превратилась в серую, тяжелую пыль, которая покрывала толстым слоем всё на своём пути. Веру душил гнев на серую, как пыль, галдящую толпу ненавистных вояк, из-за которых и случилась эта война. Это они не гнушались пинать стариков, щедро раздавали детям подзатыльники, отняли у калиновской бабки-вдовы последнее, что она спасла из своей горячей хаты — домотканную холстину. Вера ненавидела полицая Комарьку в кожаном плаще, бегавшего по селу в поисках всего, что еще не успели отнять, со словами: «В долг, бабы, в долг! Победят наши братья Сталина, все отдадут и еще с процентой! Жизнь наступит как в сказке!» Вера не жалела проклятий. Она желала всей этой сволочи «ни дна, ни покрывки, каждому по две пули, гибели от всех самых лютых болезней всем их родственникам до седьмого колена», и всех несчастий и невзгод, которые достались русскому народу — немецкому народу в десятикратном размере. И всего того, что могло себе представить ее пылкое, молодое воображение. Она уяснила, что немцы и мадьяры ее не понимают и даже смеются, когда она приносила им сваренную по их же приказу картошку, желала им «приятного аппетита»: «Жрите, чтоб вы подавились...». В один из дней, когда она кипятит немецкие мундиры и подштанники, выбрасывая черпалкой из консервной банки сварившихся вшей, к ней подошел солдат. Несмотря на жару он был в каске и в плащ-па-

латке. На сапогах густой слой пыли. Винтовку он нес стволом вниз. Немцы так не носили. Сидевшая на улице солдатня вдруг оживилась и загомонила: — Хей, Айсен! Айсен! Ком, ком!

Из школьных уроков немецкого Вера помнила: трактор, железо — «айсен». Она поняла, что незнакомого солдата зовут Железный. Тот снял каску и, внимательно выслушав «пожелания здоровья», улыбнулся Вере.

— Что лыбишься, черт бритый? Вот как огрею палкой! — привычно отреагировала она на такое поведение немца.

— Заткнись, дура! — вдруг четко, абсолютно без акцента произнес фриц сквозь зубы, не шевеля при этом губами. Затем повернулся и пошел к своим, которые встали с бревен и принялись обнимать Железного.

У Веры потемнело в глазах, ноги затряслись в коленках и жуткий страх накатил на все ее сознание. Она отошла от закопченного котла и села на крыльцо амбара.

— Ты что, Вер? — спросила ее сестра Анютка, — побледнела вся, аж зеленая.

— Принеси водички, — с трудом выдавила из себя Вера.

Она осознала, что все это время ходила в шаге от смерти, и как рисковала жизнями своих сестреночек и братишек.

А Железный, раздав своим свертки и письма и приняв их конверты, ушел дальше на дорогу в сторону Тима. Видимо, это был почтальон. Вера видела как за селом его догнала машина, он прыгнул в кузов, накрылся с головой плащ-палаткой и исчез в пыли и летнем мареве. Больше Вера его не видела, но прекрасно запомнила. Невысокая, крепкая фигура, крупные, но не грубые черты лица, серые глаза, темно-рыжие жесткие волосы, широкая улыбка. И так подходило ему эта фамилия. Кто он был этот немец? Да и немец ли он был? И его фамилия «Железный» ли была? Вскоре часть, стоявшая в Старом Лещине, ушла на запад, оставив пару десятков мадьяр в бараньих шапках, в основном «шакаливших» по селу в поисках самогона и теплых вещей. В январе в хату, куда снова перебралась семья Хомяковых, заскочил пучеглазый «дожар». Был он в странной жилетке поверх шинели, сшитой из красного стеганного одеяла, крашеной белой краской и вымазанной в конском навозе. Пузоilonилось машинной смазкой. Он выглядел еще более ужасно-комичным, чем пыльным летом сорок второго. Спровоцировал его полицай Комарек. «Дожар» сунул Вере в руки котелок и показал на сарай, где стояла Милка. Он пил молоко, заедая его куском сухаря. Моргал всем лицом и, казалось, что он вот-вот подавится не только молоком, но и собственным

кадыком. Потом подошел к теленку, который к тому времени заметно подрос. У Веры упало сердце. Но обладатель ватного жилета почему-то передумал, заглянул за божницу, снял и сунул в карман красивую из красного стекла с медью лампадку, привезенную еще покойной бабушкой Иванихой из Киева.

— Спроси у него, где Железный, — сказала Вера Комарьку. Но тот только испуганно отмахнулся.

В феврале пришли наши разведчики. Большие, розовощекие, в полушубках и белых масках. Затопали в сеницах, сбивая снег с валенок.

— Девки, бабы! Принимайте женихов! — гаркнул парень в серой кубанке на макушке. Девки и бабы завывали в голос.

Утром перед школой выстроили всех пленных, которых взяли на Тимско-Мантуровском направлении в результате январского наступления. Перед длинной, неровной шеренгой оборванных, обмороженных и обожженных, не очень похожих на человеческие фигуры, одетых в лохмотья из смеси немецкой формы и русских шалей, зипунов, одеял и всего того, чего только смогли добыть загребушие руки из сундуков и чуланов, ходил молодой советский офицер и что-то говорил по-немецки. Раненые стояли отдельно. Невдалеке лежал ряд убитых.

Смотрите, товарищи колхозники! — крикнул он звонко. — Если узнаете кого из своих обидчиков, подходите ко мне и рассказывайте!

— Ну что, Анисимовна? — спросил Малашин калиновскую вдову

— Нету тут твоей замашки?

— Чтоб его в гроб моей холстинкой завернули.

— Вот и я своего ударяльщика не увидел. Ну ничего. Вишь, как дело обернулось. Дорого станется им наши обиды.

Двое суток работала в Старом Лещине дознавательная комиссия. Узнали и очень много жуткого услышали следователи.

Вера не увидела Железного ни среди живых, ни среди мертвых. На свой вопрос к переводчику она получила ответ.

— Девушка, мы не ищем сердобольных, мы ищем палачей. А про почтальона этого забудьте. Сделал длинную паузу, что-то записывая в свою тетрадь, еще раз посмотрел Вере в глаза и твердо повторил:

— Забудьте!

Павел Дорохов